

Герцог Элизима был подлым, лицемерным и невежественным человеком, который был слаб для сильных и силен для слабых.

Жезл? Корсет? Туфли на высоком каблуке и суровое обучение этикету? Все это было ради его дочери.

Точнее, ради чести семьи и чего-то более ценного, что принесет дочь, ставшая императрицей; это самообоснование, которое он повторял ежедневно.

Если кто-то сердился на него, говоря: "Ты играешь мечом на маленьком ребенке!", он делал вид, что не знает, почему другой человек сердится.

'Разве не хорошо было бы, чтобы это было в руках родителей, а не других людей, так как это больше стимулировало бы чувство вины дочери и позволило бы убедиться, что в будущем не будет такой ошибки?' отвечал он.

По иронии судьбы, в кругу общения его называли императорской Либрой.

Конечно, это был не очень хороший баланс.

Равновесие, которое поместило его семью на одну тарелку, а все остальное - на другую, и вынужденное уравниваться путем обмена красивой и идеально сделанной гири под названием "дочь" всякий раз, когда весы наклонялись.

Перед ним, маленьким солнцем империи, лордом, подлежащим возведению в сан, и его зятем, была всего лишь тяжелая гиря на тарелке другой стороны.

Герцог задавался вопросом, будет ли его дочь, которую выдали замуж из утробы матери, достаточно достойной, чтобы склонить чашу весов, пока рядом находится лорд, который тяжелее ее.

"Молодая леди опоздала..."

"... она еще маленький ребенок, поэтому ей требуется много времени, чтобы переодеться. Ей еще многого не хватает, ее нужно обучить, чтобы она не мешала чести императорской семьи..."

"Образование..."

Леонхард остановил дворецкого, наливающего молоко в его чашку.

Леонхард, который опустошил свой стакан сразу, не чокнувшись, усмехнулся, поставил локти

на оба колена и сцепил руки под подбородком.

Черт, оно все еще горячее и терпкое на детском языке!

Леонхард не был удовлетворен вкусом черного чая во рту. Чувства детей были намного чувствительнее, чем у взрослых.

Например, в этот момент юная мисс, которая сказала, что пошла переодеться, плакала от души, и звук ее мольбы доносился до ушей молодого Леонхарда.

"Я думаю, что молодая леди уже довольно поздно, но если вы меня извините, не могли бы вы зайти за ней? В любом случае, именно она станет моей спутницей в ближайшем будущем..."

"Как бы то ни было..."

"Я знаю, что даме требуется много времени, чтобы одеться, но если нам придется долго ждать, пока чай нальют три раза..."

Леонгардт отпил глоток черного чая, который дворецкий снова наполнил его чашку. Это была определенно та марка, которую он искал, но он был ужасно горьким, вяжущим и горячим.

Герцог отвел его в комнату дочери, решив, что этого будет достаточно, поскольку прошло слишком много времени, как сказал Леонхардт, для легкого воспитания.

В особняке Элизиум второй по величине комнатой после комнаты герцога и герцогини была комната Елизаветы.

Помимо спальни, комната была оборудована библиотекой для изучения этикета и письма, гардеробной, полной платьев, сшитых на каждый сезон, ванной комнатой и даже небольшой кухней и столовой для отработки обеденного этикета. Это было похоже на клетку.

Герцог Элизиум, постучав в белую дверь, сделанную из платины, даже петли, соединяющие двери, сосредоточился на звуке в комнате.

В любом случае, если "обучение" не закончилось, им придется продолжать наслаждаться чаепитием с принцем.

"Сон, пожалуйста, подожди минутку. Состояние Изольды резко ухудшилось, и она только что заснула в постели".

За дверью послышался смущенный голос. Герцог Элизиум взглянул вниз на Леонхарда,

чувствуя, как колотится его сердце.

Маленькое имперское солнце, едва достававшее ему до пояса, скрестил руки и улыбался.

Улыбка почему-то означала: "Я все знаю". Герцог Элизиум сглотнул.

"К сожалению, Изольда была слабым ребенком с рождения.....".

"Тогда я должен хотя бы на мгновение взглянуть на ее лицо".

Герцог Элизиум был потрясен зрелищем со спины принца, белая дверь внезапно открылась.

Однако смысл изумленного выражения герцога был таков: "Даже если вы двое поженитесь в будущем, как ты смеешь входить в комнату леди без разрешения? А что, если вы разочарованы отсутствием Изольды и настаиваете на том, чтобы что-то сделать с помолвкой?"

Леонхард нахмурился, глядя на кровавую атмосферу, наполнявшую комнату.

Даже если бы не чувствительные органы чувств ребенка, это был явный запах крови.

Комната Элизабет была великолепной комнатой, которая, казалось, не имела недостатков, это действительно та комната, в которой проживала дочь герцога.

Чистая белая кровать покрыта шелковой драпировкой, как туман водой, белая подушка на белом диване поднята в идеальной форме, как будто ею никогда не пользовались, белый ковер, белые обои, белый подоконник, письменный стол и.....

'Даже больничная палата будет менее травматичной, чем эта'.

Все было белым.

Какой бы роскошной она ни была, если ты живешь в таком месте каждый день, ты, наверное, сошла с ума. Не говоря уже о том, что ей всего восемь лет, а в этом возрасте приходится трогать множество вещей и выгравировать на своих глазах самые разные цвета, даже обложки на книжной полке белые.....

Леонгардт внутренне цокает языком и поворачивается к кровати, он вдруг обнаруживает, что герцогиня что-то прячет за спиной.

"Мадам."

"...Ха, это я."

Леонхард пытливо уставился на герцогиню.

Герцогиня не могла смотреть прямо ему в глаза, как человек, которому где-то неуютно, она озабоченно кусала губы. Она смотрела на потолок, потом снова переводила взгляд на ковер, и так несколько раз.

Он сказал: "Я слышал, что ей было неудобно, но она даже не сняла туфли и легла прямо на кровать. Можно ли ей не вызывать врача?".

Леонхардт хотел указать на то, что она даже не сняла корсет, но быстро заменила его обувью.

Десятилетний ребенок еще не должен был знать о нижнем белье дамы.

"Ах.... Вы можете не беспокоиться, потому что у нас есть семейный врач. Более того. Как видите, Изольда не в том состоянии, чтобы видеть своего гостя....".

Ложь. Герцогиня что-то скрывала.

Я в таком положении, что могу царствовать над единственным десятилетним ребенком, верно? подумала герцогиня, когда Леонгардт снова посмотрел прямо ей в глаза, и она вздрогнула, не узнав.

Как только принц вошел в комнату, атмосфера изменилась так быстро, что направление ветра, окружавшего мальчика, приняло другой оборот.

Елизавета, лежавшая в постели, не в силах издать ни звука, затаила дыхание. По разговору смущенных отца и матери и незнакомому голосу, который она слышала впервые, она примерно догадалась, кто был хозяином этого прекрасного голоса.

И как только она заметила, кто был обладателем этого голоса, Элизабет начала задыхаясь кричать.

'Лучше бы я упала в обморок', - подумала она.

Она изо всех сил старалась не плакать, но у нее так болели ноги, а главное, было больно, словно разорвали уголок сердца.

Она хотела сказать, что она здесь, что у нее болит нога, но не могла встать.

Но если бы она это сделала, было ясно, что леди сочтут за легкомысленный поступок и будут ругать весь вечер за то, что она выставила себя душой.

"Но раз уж я здесь, я хочу увидеть ее лицо во сне....". Когда голос стал приближаться, Элизабет еще плотнее закрыла глаза.

"Извините меня на минутку".

<http://tl.rulate.ru/book/61436/2032556>